

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей Самаров

ГЛАВАРЬ
ОТМОРОЗКОВ

Сергей Васильевич Самаров

Главарь отморозков

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22469808
Главарь отморозков: Эксмо; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-93100-2

Аннотация

Взвод спецназа ГРУ старшего лейтенанта Юрия Урманова преследует в горах банду эмира Акбар-Шайтана. Неожиданно к бандитам присоединяется еще одна группировка, на счету которой, помимо всего прочего, дерзкое ограбление банка. «Отягощенные» миллионами, боевики рвутся к границе, где их поджидают подельники из МВД, готовые получить свою долю добычи. Спецназовцы организуют преследование и блокируют банду в приграничном ущелье. Но почувствовавшие запах крови и больших денег отморозки не собираются сдаваться...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	18
Глава вторая	33
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сергей Самаров

Главарь отморозков

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

Били сразу четыре ручных пулемета. Хлестко, как плетки, и безостановочно. Если один на короткое время смолкал, три других стреляли интенсивнее и, как казалось, злее. Пули начисто выкашивали кусты и заросли молодых елей, только недавно покрывшихся молодыми побегами, еще похожими, как всегда в начале лета, на бородавки. Мы голову не могли поднять – хотя бы для того, чтобы посмотреть, что происходит. Вообще-то, понять такую интенсивность огня было несложно. Он велся не прицельный, хотя местонахождение и конфигурацию наших окопов противник, видимо, хорошо знал. А когда такой огонь ведется? Когда требуется обеспечить прикрытие. То есть или кто-то уходил от нас, или кто-то, наоборот, к нам приближался. Нам же пулеметные снаряды не позволяли удовлетворить свое любопытство. А ведь от этого «удовлетворения» зависела, по большому счету, судьба всего взвода.

Конечно, хорошо, что я предварительно приказал вырыть за кустами, против входа в ущелье, полнопрофильные окопы. Сейчас в них было безопасно, можно было сидеть и не высовываться, пока у бандитов патроны не кончатся или пулеметные стволы от перегрева не заклинит, что, в общем-то, при такой интенсивности стрельбы было бы вполне естественно. Но такая наша кажущаяся безопасность тоже чре-

вата последствиями. Если бандиты даже малыми силами подойдут под прикрытием плотного пулеметного огня близко, они могут наши окопы забросать гранатами, а потом заглянуть в них, чтобы добить недобитых. И в этом случае не спасет умение стрелять первым. Расстрелять в воздухе летящие в окоп гранаты невозможно физически, хотя в одну попасть, наверное, можно. Лично я не пробовал даже при том, что считаюсь чуть ли не лучшим стрелком во всей своей бригаде. В батальоне уж точно – лучшим.

Мы устроили засаду на возвышенности, среди кустов и молодого ельника, – собирались перекрыть выход из ущелья. Из засады оно хорошо просматривалось метров на сто пятьдесят. Ждали обещанную разведкой колонну. И дождались. Я сам в бинокль их пересчитал и даже записал на видеокамеру своего армейского «планшетника» выдвижение двадцати двух бандитов. Тогда же и приказал взводному снайперу, младшему сержанту контрактной службы Толику Максимовских, произвести выборочный отстрел, начиная с чуть-чуть отставших замыкающих. Если неслышно и незаметно для других они упадут, можно будет перейти к середине. Там шли двое раненых, у одного на перевязи левая рука, у второго правая. А сразу за ними четверо бандитов несли носилки. Но на носилках, как мне показалось, был не человек, а какая-то куча с определенным количеством острых углов, похожая на мешки. И все это было покрыто парой одеял и перетянута поверху веревками во избежание падения. Скорее

всего, там несли действительно какие-то мешки. Только что в них было, я так и не смог догадаться. Да меня это и не касалось.

У моего снайпера винтовка штатная – «винторез», его не услышишь с такой дистанции. Трижды снайпер выстрелить все же успел. Я наблюдал. Из двадцати двух бандитов осталось девятнадцать. Все это с максимальным увеличением сняла на видео камера стандартного армейского «планшетника». А потом заговорили пулеметы. Так неожиданно «заговорили», что я едва успел «планшетник» с бруствера снять. И сразу же в то место ударило несколько пуль, словно кто-то стремился лишить меня удобного гаджета, куда были занесены все карты, которыми я пользовался в этом продолжительном рейде. Эмир Великий Шайтан¹ или, как он сам приказывает себя называть, эмир Акбар², умудрился выставить пулеметчиков среди камней на короткой дистанции от нас, причем на значительно более высоком уровне, откуда окопы и частично просматривались, и простреливались по верхней линии. А как сумел выставить, что мы никакого передвижения не заметили, оставалось для нас загадкой. Наблюдатели ничего подозрительного не видели, хотя от биноклей и от прицелов не отрывались. Наш единственный взводный РПК³ был, конечно же, не в состоянии противостоять

¹ Шайтан – бес, черт.

² Акбар – великий (здесь и далее прим. автора).

³ РПК – ручной пулемет Калашникова.

четверым своим братьям. Дав несколько коротких встречных очередей, пулеметчик по моему приказу вместе с пулеметом спрятался в окоп. Незачем вызывать огонь на себя, это делается только в крайних случаях, а пока еще до края было далеко. Оставалось радоваться, что окопы я приказал копать в полный профиль – было, куда спрятаться от пулеметов.

Так и сидели мы, всматриваясь в корни елей, высывающиеся из насыпного земляного бруствера. Но долго так сидеть было невозможно.

– Акимов! – позвал я младшего сержанта контрактной службы, нашего штатного огнеметчика, имеющего на вооружении два контейнера с ракетами от «Шмеля-М»⁴. Конечно, он мог бы взять с собой и больше, но обычно в рейде даже один огнемет бывает лишним, потому перегружать бойцов я считал нецелесообразным.

– Я, товарищ старший лейтенант! – отозвался Акимов из окопа второго отделения.

– Ты из своей трубы навесом выстрелить не сумеешь?

– Не предусмотрено такой стрельбы конструкцией самого огнемета, товарищ старший лейтенант, – отозвался младший сержант.

Можно подумать, что я этого сам не знаю. Но я еще знаю, что в армии оружие многие умеют применять так, что конструкторы этого оружия только диву даются. Например, готовят гранаты «Ф-1» для установки «растяжек» и при этом

⁴ «Шмель-М» – реактивный пехотный огнемет.

обыкновенным гвоздем аккуратно выковыривают большую часть пороха из трубки замедлителя. В результате взрыв гранаты происходит сразу после освобождения прижимного рычага. Такие гранаты стали делать после того, как прошел слух о тренировках бандитов, которые после характерного щелчка прижимного рычага умудряются за время паузы⁵ до момента взрыва прыгнуть «рыбкой» за какое-то укрытие – камень или ствол дерева, и спастись.

Пригнувшись, я перешел в окоп второго отделения и обратился к командиру отделения младшему сержанту Остапенко:

– Дай мне одну тубу. Попробую выбраться.

– Осторожнее, товарищ старший лейтенант. Еще десяток минут подождать бы. У них стволы у пулеметов перегреются, – посоветовал он. Остапенко вообще такой человек, что всем советует быть осторожными, не только своему командиру. Сам, впрочем, осторожничать обычно не любит, и вообще парень излишне рискованный.

– За десять минут банда сможет до нас добежать, – возразил я и вместе с тубой двинулся дальше.

Ходить по окопам пригнувшись, когда наверху жужжат пули, когда они выбивают из насыпного бруствера пыль, летящую тебе за шиворот, – не самое большое удовольствие. Тем не менее я пробрался до окопа третьего отделения. Он

⁵ Пауза между моментом освобождения прижимного рычага и моментом взрыва в гранате «Ф-1» составляет 3,2–4,2 секунды.

был самым коротким из трех, поскольку по численности третья отделение у меня во взводе было самым маленьким – всего шесть бойцов. Но бойцы самые опытные, имевшие за плечами по несколько командировок на Северный Кавказ.

– «Шайтан-труба» для эмира Акбар-Шайтана! – высказался командир третьего отделения младший сержант контрактной службы Слава Городовников.

– Когда на складе заказывал, тоже так сказал, – признался я.

Откуда Городовников мог знать прозвище «Шмеля», данное ему афганскими моджахедами, я уточнять не стал, но в армейском обиходе услышать его можно крайне редко. Меня самого в те афганские времена еще не было, а вот название откуда-то знаю. Так же, наверное, и младший сержант.

Я приподнял голову из окопа, и Городовников сразу предупредил:

– Осторожнее, товарищ старший лейтенант. Они наши фланги, я заметил, активнее простреливают, чем фронт, видимо, чтобы окоп не покинули и куда-нибудь в обход не двинулись. Причем это только на нашем фланге. Значит, здесь есть возможность для скрытного передвижения.

Мне тоже так показалось. И это, в отличие от младшего сержанта, наводило меня на более неприятную мысль, что на наших флангах, или хотя бы на одном из них, бандиты эмира Шайтана готовят или прорыв, или атаку – что получится, тому они и будут рады. Запертые в ущелье, они никуда не

могли уйти, но теперь, судя по всему, очень этого желают. К тому же усиленный обстрел флангов говорил еще и о том, что их разведка хорошо отработала, и определила нас давно, и даже знает, где начинается и где заканчивается наша линия окопов.

– Посторонись-ка... – попросил я солдата-наблюдателя, выставленного командиром отделения на фланге.

Не отрываясь от бинокля, солдат слегка сдвинулся в сторону.

Пост наблюдателя простреливаться не мог – мешал земляной насыпной бруствер, принимающий пули на себя, а зона наблюдения была в стороне, чтобы никто не подобрался к окопам сбоку и с тыла. Я приказа выставлять наблюдателей не давал. Но у меня во взводе опытные командиры отделений, они сами проявляют деловую инициативу и всегда действуют правильно.

Я поднял руку и ребром ладони продавил полоску на бруствере. Попытался присмотреться. Такая возможность была. Если раньше существовали только отдельные просветы, в которые велось наблюдение за ущельем, то сейчас пулеметы «выкосили» ельник и расширили обзорность. Виден был не только вход в ущелье, но и стоящие рядом скалы, но вот самой колонны, что шла к выходу до того, как в дело вступили бандитские пулеметы, видно не было. Или вышли, или спрятались за скалами у входа.

– Акимов! – снова позвал я огнеметчика.

– Я!

– Ко мне с тубой...

– Пулеметчиков накрыть, товарищ старший лейтенант?

Проще простого... – проговорил Акимов, занимая место у щели, которую я проделал для наблюдения.

– Там колонна шла. Девятнадцать бандитов. Они могли спрятаться за скалы сразу за входом. Сможешь попасть в «ворота»?

«Ворота» ущелья – две высокие скалы, расстояние между которыми составляло метра полтора. Мне подумалось, что, если контейнер с термобарическим зарядом взорвется позади этих ворот, то сгорят и все бандиты, что там прячутся, и пулеметчики, сидящие на высоте от двух до пяти метров.

– Что ж не попасть... Не слепой. Да здесь и слепой не «смажет»... Тем более, с «оптикой»...

– Ты не все понял. Нужно, чтобы заряд взорвался сразу за «воротами». Тогда, надеюсь, и пулеметчиков подпалит.

Младший сержант вместо объяснения положил свою тубу на бруствер и прильнул глазом к оптическому прицелу. Шипящий выстрел не громыхнул, он был каким-то скользким и убегающим. Грохот взрыва – и облако огня и дыма поднялось высоко. Пулеметы замолчали так же дружно, как начинали стрелять. Но куда угодил заряд, я не видел.

– Куда стрелял?

– Там, в трех метрах позади «ворот», большой камень лежал, – объяснил Акимов. – Чуть левее центра. Я в него стре-

лял. Прямо под основание.

Я отодвинул младшего сержанта, лег локтями на бруствер и приложил к глазам бинокль. Дым уже рассеивался. Выстрел был, видимо, удачным. Если учесть, что ширина ущелья за входом всего-то метров двадцать, вокруг вертикальные стены-скалы, а площадь поражения термобарического заряда «Шмеля-М» составляет порядка пятидесяти квадратных метров, то можно было предположить, что часть пламени ушла по ущелью, а вторая часть рванула вверх и вышибла пулеметчиков с точек. Пламя попросту изжарило их живьем. Об этом же говорило распостертое черное тело бандита, лежащее перед входом, а рядом с телом валялся ручной пулемет Калашникова с коробчатым магазином. На обгоревшем теле совсем не было одежды, температура в районе взрыва заряда возникает такая, что ни одна ткань не сможет выдержать.

– Удачный выстрел... – похвалил я Акимова. – Сам понять не смог, был кто-то за скалами?

– А как поймешь? Там ничего не видно... Сначала даже показалось, что скалы побелели от температуры, а потом уже почернели.

– Пулеметчики все «накрылись», – довольно подсказал оказавшийся рядом младший сержант Городовников. – Это сейчас главное.

– Слава, возьми с собой кого-нибудь, – приказал я, – проскочите до входа, посмотрите за «воротами». Я подозреваю,

что колонна там пряталась, если же нет, поищи следы. Могли обратно вернуться в свои пещеры, могли пройти наружу. Только куда они двинулись? Следы, короче говоря, следы ищи...

– Дождей давно не было, – посетовал младший сержант, – трудно будет искать.

– Попробуй...

Слава – сын профессионального охотника и сам охотник. Вырос в черемшанской тайге Иркутской области и следы искать умеет лучше всех во взводе. И на подъем всегда легок. Только была озвучена команда, а он уже позвал с собой солдата, и первым одним махом, упершись руками в края, выпрыгнул из окопа. Солдат устремился за ним.

Я посмотрел на небо с западной стороны. Темнеет в горах всегда стремительно, стоит солнцу за горы зайти. Но в запасе у нас оставалось около сорока минут светлого времени. Для разведки этого хватит. А потом уже скажется наше техническое преимущество, поскольку каждый боец моего взвода имеет на своем автомате тепловизионный и инфракрасный прицелы, позволяющие искать противника в темноте. У них же с такими прицелами всегда проблема. Раньше, помню, была проблема и у спецназа. Мы, офицеры, обычно какое-то время копили деньги, а потом покупали на свои средства тепловизионные бинокли. Они, в большинстве своем, были иностранного производства, и это порой грозило сложностями при зарядке аккумуляторов. Так, например, аккумулято-

ры американского производства требовалось заряжать от сети с напряжением в сто двадцать вольт, бинокли производства Саудовской Аравии требовали подключения к сети в сто десять вольт, а японскую технику надо было заряжать при напряжении в сто вольт. Приходилось прибегать к услугам умельцев, которые делали трансформаторы. Европейские же бинокли, которые заряжались от сети с напряжением в двести тридцать вольт, включали в наши сети напрямую. Там только сам процесс слегка замедлялся, но зарядка шла, и ничего не перегорало. Но теперь и приборы, и бинокли у спецназа ГРУ были отечественного производства, и вообще не возникало никаких проблем с зарядкой аккумуляторов...

Младший сержант Городовников вернулся еще засветло, через двадцать минут после того, как ушел вместе с солдатом. Выглядел мрачным, что вообще-то ему, хроническому оптимисту, не свойственно. Я догадался уже по внешнему виду, что весть Слава принес не самую радостную.

– Нет там никого, товарищ старший лейтенант. За «воротами» два трупа пулеметчиков валяются. Перед «воротами» один. Откуда-то сверху, со скалы, ствол четвертого пулемета видно, из-за камня торчит, в небо смотрит. Скорее всего, и сам пулеметчик на скале сгорел. А та колонна ушла. Зря, что ли, пулеметчики патроны не жалели, не давали нам голову поднять. Они прикрывали проход Великого Шайтана.

– Следы посмотрел?

– На четвереньках ползал и немного нашел. От нас вправо двинулись, вдоль хребта. А там все отроги лесом покрыты. Если каждый проверять, то мы здесь до конца командировки застрянем.

Это было нашим первым заданием в полугодовой командировке. Собрать сведения, найти и уничтожить банду эмира Али Шайтанова, которого местные жители зовут «Шайтан», хотя сам он предпочитает звать себя эмиром Акбаром. Совмещая эти два имени, в сводках спецслужб обычно называют эмира Акбар-Шайтаном или Великим Шайтаном. Мы и сведения собрали, и узнали ущелье, где Великий Шайтан держит базу, и выяснили, когда он там «заляжет» после очередной вылазки. Подступили, понимая, что долго сидеть на месте банда не сможет. Это и рискованно, и вообще не в правилах эмира. И вот, такая незадача. Все наши планы спутали четыре бандитских пулемета, не позволившие нам вести наблюдение непрерывно.

А это говорило о том, что следует все начинать сначала. Не полностью, конечно. Полностью мы сведения уже собрали, и теперь потребуется только обновить те, которые могут устареть. Например, по личному составу. Великий Шайтан потерял четверых пулеметчиков от термобарического взрыва, и еще троих бандитов ликвидировал наш снайпер. Следовало доложить по инстанции и вызвать срочно на место бригады из прокуратуры и Следственного комитета. Но прокурорскую бригаду мы прикрывать не будем, пусть прибыва-

ет со своим прикрытием, а мы, сразу после прибытия следственной бригады, отправимся на поиски банды.

При этом уже появилась какая-то неувязка. Согласно разведанным республиканского МВД, что были нам представлены, у эмира Шайтанова должно быть в банде тринадцать человек, включая его, и только два пулемета. А нам противостояла банда в составе двадцати шести человек – двадцать два бандита в колонне плюс четыре пулеметчика и четыре пулемета. Здесь ошибки быть не могло. Я сам считал и бандитов в колонне, и пулеметы. Но любые данные разведки имеют свойство устаревать. Наверное, МВД поделилось с нами только той информацией, которая была у них. И не предупредили, что обстановка может измениться. Но мы были в состоянии своими силами запереть банду в ущелье и не выпустить до прибытия подкрепления. И непременно сделали бы, окажись у нас еще хотя бы пара пулеметов, или окажись эмир Шайтанов не таким предусмотрительным, чтобы заранее подготовить пулеметные гнезда...

Глава первая

Я переключил коммуникатор «Стрелец»⁶ – еще один удобный атрибут комплекса оснастки «Ратник» – на внешнюю кодированную связь, не забыв поставить блокировку внутренней связи, чтобы солдаты взвода не слушали мои разговоры с командованием. В коммуникаторе существовала и автоматическая блокировка внутренней связи, которую мы обычно отключаем, потому что иногда бывает необходимо, чтобы бойцы слышали приказы высшего командования и не думали, что какой-то конкретный приказ – это самодурство их непосредственного командира. Впрочем, сейчас разговор об этом не шел.

Коммуникатор пищал сигналом-зуммером недолго. Ответил дежурный офицер узла связи.

– Я – «корреспондент девятьсот семнадцать». Требуется связь с «корреспондентом сто одиннадцать».

– Подожди, «девятьсот семнадцатый», сейчас переключу на сто одиннадцатого.

Ждать пришлось недолго. Что-то коротко пощелкало в наушниках, послышался зуммер вызова. И уже через несколько секунд начальник штаба сводного отряда специа-

⁶ Коммуникатор «Стрелец» – инновационная система не только связи, но и разведки, и управления подразделением (потому официально и называется «КРУС» – комплекс управления, разведки и связи).

за ГРУ майор Колокольцев ответил:

– Слушаю тебя, Юрий Викторович. Как дела складываются?

Начальник штаба помнил, что «девятьсот семнадцатый» – это я, хотя мы с ним служили в разных бригадах и до командировки были не знакомы.

– Плохо складываются, товарищ майор. Великий Шайтан умудрился проскочить мимо нас... – Я коротко обрисовал начальнику штаба ситуацию, сложившуюся у ущелья. – Следует прислать следственную бригаду, чтобы описали и забрали тела убитых. Желательно, побыстрее, нам надо уходить в преследование.

– Не понимаю, откуда у него столько людей... – выразил свое сомнение начальник штаба, который с разведанными МВД был знаком и даже сам мне их передавал перед выходом на задание.

– Я тоже, товарищ майор, задавал себе этот вопрос. Но ответить на него не могу. Однако всех бандитов лично считал поштучно, разве что пальцы не загибал.

– Ладно. Следственная бригада все равно ночью не полетит. Вертолеты у нас уже с Афгана по ночам летать не любят. Но с рассветом жди... И еще пошлю тебе подкрепление. С тем же вертолетом. Принимай...

– Не понял, товарищ майор. Зачем мне подкрепление? Я не просил...

– «Группа технической поддержки», как она называется, –

довольно хмыкнул майор. – Новые образования в нашей системе. Приказано сверху сразу задействовать такие группы в боевой обстановке, хотя боевой подготовки у них никакой практически не просматривается. Не буду по связи объяснять, сам разберешься. Группа из семи человек – два лейтенанта и пять солдат научной роты. С собой у них большой груз, хотя не тяжелый, но объемный. Помогите с носильщиками. С подкреплением же пришлю тебе в усиление несколько хороших гранатометов, чтобы камни проламывать.

– «Вампиры» пришли?

Гранатометы РГД-29 «Вампир» для участия в горных боях нам давно уже обещали. Ждали такую необходимую для боевых действий в горах вещь, как спасение от многих бед. Еще бы, бронебойная граната от «Вампира» насквозь прошивала двухметровую железобетонную плиту. А камни-валуны в горах, за которыми могли прятаться бандиты, «Вампир» раскалывал, говорили, как орехи...

– Пришли.

– Отлично! «Выстрелов» к ним побольше бы...

– Разделили на всех поровну. Что тебе полагается, пришлю, готовься встретить.

– Понял. Обеспечу прием. До связи, товарищ майор.

– До связи, старлей... Докладывай, как дела будут продвигаться.

Майор Колокольцев первым отключился от связи...

– Вертолет будет только утром, – объявил я взводу. – До утра устраиваемся в окопе. Командиры отделений! Обеспечить охранение!

Последнее предупреждение было лишним. Командиры отделений у меня опытные и сами свое дело знают, охранение выставили бы даже без команды. Тем не менее в ответ сразу прозвучало:

– Есть обеспечить охранение!

– Есть, товарищ старший лейтенант!

– Понял, командир!

Ночи в горах прохладные даже летом. Но прохлада после дневной кавказской жары лично для меня была даже приятной. Комплект оснастки «Ратник» включает в себя, понятно, не только оружие и средства связи, но и обмундирование, которое позволяет ночью не замерзнуть, а днем легче переносить жару.

Когда уже начали устраиваться на ночь, кому где показалось удобнее, мой замкомвзвода старший сержант Серега Соколянский предложил:

– Товарищ старший лейтенант, может, стоит на ночь выставить «Луч»?

– Поставь, – согласился я. – Думаешь, вернуться могут?

– А кто их знает... Шайтан – штука хитрая... На то он и шайтан...

Индикатор оптической активности «Луч-1М», имеющийся на вооружении взвода, покажет, если кто-то хоть в би-

нокль, хоть в лазерный дальномер, хоть в оптический прицел будет интересоваться нашим расположением. Прошлой ночью нас от входа в ущелье отделяли густые кусты, и потому я решил не выставлять индикатор, все равно кусты мешают, а смотреть на нас могли только с той стороны. Предпочел тепловизионные прицелы, что стоят на автоматах моих бойцов. Возможно, это и сыграло свою главную роль в том, что мы были обнаружены и обстреляны. Оптический прицел имеет узкое пространство просмотра. Им, в отличие от «Луча», невозможно контролировать весь горизонт, даже одну сторону горизонта с достаточной плотностью. И как-то так получилось, что пулеметчики не попали вовремя в зону просмотра. Они занимали позицию, когда прицелы смотрели в другую сторону? Как результат, банда смогла организовать обстрел нашей позиции и вовремя покинуть ущелье. Сказалась, видимо, весьма значительная на войне величина, называемая в простонародье «везучестью». Если уж везет, то везет, и против этого ничего предпринять невозможно. Уже по всем учебникам военного дела прошел случай, произошедший в воинской части в Свердловской области, когда внутри движущегося танка солдат активировал гранату «Ф-1». По идее, солдата должно было в клочья разнести и размазать изнутри по башне танка, но взрыв гранаты произошел так удачно, что ему только один осколок рикошетом попал в каблук, второй осколок оторвал погон, и все. Это можно объяснить только везучестью...

Замкомвзвода выставил прибор позади нашей позиции, метрах в десяти в стороне, на горке, откуда открывался обзор всех четырех сторон. Проверять работу Соколянского необходимости не было. Сережа всегда к любому делу относился с основательным вниманием, тщанием и все делал на совесть, даже самую пустяковую работу.

Уснул я легко и быстро, но поспать не пришлось, меня разбудил сигнальный звук. Старший сержант Соколянский был прав, когда предложил выставить на ночь индикатор, именно его зуммер меня и разбудил. Сигнал был одиночный. Старший сержант сразу выпрыгнул из окопа и устремился в сторону установленного «Луча».

– Ни хрена себе, товарищ старший лейтенант! – донесли до меня наушники шлема.

– Что там?

– Пять прицелов. По интенсивности свечения индикатор отнес их к тепловизионным. Смотрели на нас с востока.

– Откуда с восточной стороны такие силы! – не сдержал я удивления.

Индикатор подал еще один сигнал.

– Ложись! – приказал я.

Но старший сержант и сам понял, что его взяли на прицел, лег и тут же стремительно перекатился в низинку под горкой. Перебегать по окопу к командиру взвода необходимости у Соколянского не было. Система внутренней связи позволяла нам общаться свободно и без помех на таком ко-

ротком расстоянии.

– Прицел? – спросил я.

– Так точно, – отозвался Сережа. – Тепловизионный.

– Откуда там кто-то взялся? Да еще целых пять винтовок с тепловизором...

Что это были снайперские винтовки, сомнений не вызывало. Автоматы с тепловизионными прицелами были сугубо прерогативой спецназа ГРУ. Если бы здесь появилась группа спецназа ГРУ, майор Колокольцев обязательно предупредил бы меня. У бандитов таких автоматов нет. Да и все банды в этом районе известны. Здесь их всего две – эмира Великого Шайтана и эмира Шерхана, прославившегося кровавыми расправами над целыми семьями в близлежащих селах. Если Великий Шайтан считался в некоторой степени даже идейным противником, то эмир Шерхан относился к откровенным бандитам. И вся его банда была того же пошиба – уголовник на уголовнике. Мне дали приказ ликвидировать Великого Шайтана, взвод отправился ловить именно его. Дадут такой же приказ относительно Шерхана, мы и его отправимся выполнять. И, скорее всего, такой приказ поступит сразу после того, как банда Великого Шайтана перестанет существовать. Но это не важно. Важно то, кто заходил к нам с левого фланга. У меня были большие сомнения, что это Шерхан со своими людьми. И основания для сомнений имелись. Если снова опираться на данные разведки МВД, в банде эмира Шерхана были большие проблемы с оружием и с

боеприпасами, и имелась в наличии только одна снайперская винтовка СВД⁷. Более того, сам Шерхан несколько раз обращался за помощью к соседу эмиру Шайтанову, и тот помогал ему патронами и оружием, которое получал, как предполагалось, из Турции через территорию Грузии. Это была еще одна задача для моего взвода – постараться доказать такие поставки. Для чего требовалось захватить живьем несколько бандитов. Я подключил телевизор к своему автомату, перешел в окоп первого отделения и попытался рассмотреть возможного противника там, куда мне указывал старший сержант Соколянский. Но ничего рассмотреть не смог, прибор не нашел никакого биологически активного объекта, который выделяет естественное тепло своего тела. И даже свечения встречного оптического прицела я не увидел. Видимо, следовало смотреть с пригорка, где был установлен индикатор «Луч-1М», но там я стал бы прекрасной мишенью для снайперов, а это мне не слишком нравилось. При этом вызывало удивление, что снайперы не пытаются стрелять по самому индикатору, который их выдает. Это давало надежду, что снайперские винтовки находятся в руках бойцов какого-то спецподразделения федералов, то есть на левом фланге у нас коллеги. Они могли просчитать, что у бандитов не должно быть на вооружении такого прибора. Я вообще не слышал еще, чтобы у какой-то банды был в наличии индикатор активности оптических систем. Хотя такие приборы не

⁷ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

сложно приобрести в свободной продаже, поскольку они часто используются обычными охранными фирмами и просто охранниками физических лиц.

Я посмотрел на часы и снова переключил коммуникатор «Стрелец» на внешнюю связь. Не забыл, естественно, заблокировать связь внутреннюю. По времени майор Колокольцев уже мог быть за пределами своего кабинета. Но у него при себе должен всегда находиться собственный коммуникатор и разговорная гарнитура связи. Дежурный офицер узла связи сразу, даже не выслушав до конца, переключил меня на майора.

– Слушаю тебя, Юрий Викторович. Есть проблемы? – раздался голос Семена Ярославовича.

– Так точно, товарищ майор. Извините за поздний сеанс...

– Это не твоя проблема, а моя. Выкладывай свою.

Я свою выложил.

– Сам в них не стрелял?

– Воздержался до выяснения. И не вижу пока, в кого стрелять. Только угол направления знаю, прибор показал.

– Точно я тебе с наскока ответить не могу, слышал краем уха в штабе Антитеррористического комитета, что какая-то группа спецназа ФСБ собирает данные для ликвидации банды эмира Шерхана. Возможно, каким-то образом в ваши места сместились. А это больше тридцати километров восточнее. Я сейчас свяжусь с республиканским управлением ФСБ или с Антитеррористическим комитетом – кого застану сре-

ди ночи, попробую выяснить, потом тебя вызову. Жди. Пока ничего не предпринимай и сам не подставляйся...

Майор Колокольцев вышел на связь через сорок четыре минуты – я по часам засек.

– Юрий Викторович, если имеешь возможность, поставь чайник. К тебе сейчас гости заявятся. Готов встретить?

– Только сухим пайком, товарищ майор. Что за гости? В боевой обстановке всегда предпочитаю встречать гостей исключительно закуской. Без злоупотребления...

– Спецназ ФСБ. Специальная группа по физическому устранению бандитов. Ликвидаторы. Много у них не спрашивай. У них служба такая, сам понимаешь. Группа глубокой конспирации. Даже в местном ФСБ о них не знают. А в Антитеррористическом штабе знает только один московский генерал ФСБ. Они с ним связь поддерживают... Весьма закрытая группа...

– Значит, это они нас на прицеле держали?

– Они самые. Но – разобрались. По твоему индикатору оптической активности догадались, что это не бандиты их караулят. Не стали стрелять, связались со своим командованием, а тут и я появился. Попутно выяснил вопрос с непонятной численностью банды Шайтанова. Ликвидаторы преследовали банду эмира Шерхана, семерых бойцов ликвидировали. Сам Шерхан с остатками укрылся, судя по всему, у Акбар-Шайтана. Влился, скорее всего, в его банду, Шайта-

нов не тот человек, который двоевластие потерпит, и мы решили, что Шерхан согласился войти к нему в подчинение, хотя бы временно. Он, кстати, сам ранен пулей снайпера. Говорят, что в руку, в предплечье.

– Да, товарищ майор, в джамаате у Шайтанова было двое раненных в руки – один в правую, второй в левую.

– Значит, ликвидаторы правильно сказали. Вопросы у тебя есть?

– Не совсем вопрос, товарищ майор, а просто хотелось бы иметь определенность. Меня интересует статус нашего взаимодействия. Я преследую Акбар-Шайтана, ликвидаторы преследуют Шерхана. Шерхан со своими людьми вошел в подчинение Шайтанова. На каких правах мы со спецназом ФСБ проводим совместную работу? Как армеец, я привык к единоначалию. Но ликвидаторы могут не пожелать подчиняться.

– Могут. Они и местному руководству, как я сказал, не очень подчиняются. В группе три полковника и два подполковника. Не позволят старлею собой командовать. Прибыли из Москвы. Цену себе знают. Волки опытные. Надеюсь, ты сумеешь найти с ними общий язык, несмотря на разницу в званиях. Командует группой полковник Сомов. Я лично с ним не знаком и сказать ничего не могу. Но в подчинение ФСБ ты не поступаешь, просто можете вместе работать. А к тебе в подчинение, как я уже говорил, утром прилетит группа технической поддержки. Эти безоговорочно посту-

пают под твое командование. Отнесись к ним с пониманием – это просьба нашего командования. Не гоняй, как своих солдат, они, по большому счету, призваны работать головами, а не руками и ногами. А если руками и работают, то приборы создают, а в бою становятся преимущественно мишенью. Побереги их. Головы нашей армии тоже нужны.

– Я понял, товарищ майор. Извините, мне знак подают. Внутренняя связь у меня заблокирована, сообщить не могут. Видимо, ликвидаторы приближаются. До связи, товарищ майор...

– До связи, старлей...

Старший сержант Соколянский уже стоял рядом, ждал, когда я закончу разговор и сниму блокировку с внутренней сети, чтобы доложить.

– Идут? – спросил я.

– Идут. Пятеро. Уже не так далеко. Прицел не позволяет их рассмотреть, но в бинокль видно, что это военнослужащие. Экипировка, правда, не наша. Шлемы другие, оружие другое.

– Это спецназ ФСБ. Группа из трех полковников и двух подполковников. Выполняем одну задачу. Эмир Шерхан, похоже, соединился с эмиром Шайтаном. Спецназ ФСБ – группа ликвидаторов! – работает по Шерхану. Теперь будет параллельно с нами действовать.

– Мы что, товарищ старший лейтенант, к ним в подчи-

нение попадаем? – превысив свои полномочия, поинтересовался старший сержант.

– Мы свою работу делаем, они – свою. По мере сил друг другу помогаем. Это всем к сведению... Кстати, к нам утром пополнение прибывает. С вертолетом. Техническая группа. У них большой груз. Первое отделение! Вся помощь на вашей совести. Груз не тяжелый, но объемный. Варкухин, слышишь?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – отозвался командир первого отделения младший сержант контрактной службы Коля Варкухин. – Обеспечим.

Я не объявлял «подъем» по случаю прибытия группы ликвидаторов, но был уверен, что, как только начался разговор с Соколянским, все солдаты взвода проснулись. Команды не звучало, никто не встал, но разговор слышали все. Служба у нас в спецназе такая, что всегда приходится спать вполуха, а вторая половина обязана все слышать. Бойцы к этому быстро привыкают, хотя не показывают. Показывать готовность – это лишнее. Особенно перед лицом противника. Всегда лучше, когда противник тебя недооценивает, тогда ты к схватке бываешь готов, а он – нет. Это значит, что ты уже наполовину победил.

Мы со старшим сержантом поднялись и вышли из окопа в том месте, где я недавно через прицел пытался найти эту самую группу ликвидаторов. Теперь нашел их в бинокль. Передвигалась группа колонной по одному, но шла ходко, ви-

димом, в одном устоявшемся для группы ритме. Мне, человеку, хорошо знающему, как ходят спецназовцы, сразу стало понятно, что это не случайно собранная группа, а составляющая собой единый, я бы сказал, организм. То есть то, что все мы, командиры взводов, пытаемся сделать из своего личного состава. Правда, получается не всегда. Слишком мал срок солдатской службы, чтобы научиться чувствовать тех, кто рядом или за спиной идет. Другое дело контрактники. Эти друг друга чувствуют на расстоянии. Но во взводе у меня контрактников только чуть больше половины. Остальные – солдаты срочной службы, которым времени полностью притереться друг к другу так и не хватает. А спецназ ФСБ, состоящий из офицеров, вместе служит уже давно, потому идут они все, как единый организм.

Кстати, слышал я, что такого же взаимопонимания в джамаатах призывал когда-то добиваться и Хаттаб. Но времени после смерти Хаттаба прошло уже немало, а цель эта остается недостижимой. Видимо, просто потому, что в бандах часто меняется состав. Одни гибнут, на смену им заманивают других, но и эти «притереться» друг к другу не успевают, а уже требуется новая замена. Благо для эмиров, что на Северном Кавказе найти абреков можно всегда. В последнее время снова, как в период двух чеченских войн, бандитам идет большая помощь из-за границы. Эта общая тенденция появилась тогда, когда Россия стала проявлять право на собственный голос и на собственное видение разных ситуаций.

Но идейных моджахедов, хотя такими казаться желают все, в действительности слишком мало, чтобы составлять сильный костяк банд. Чаще в банды идут те, кто прячется от правосудия в силу своих криминальных склонностей, и сделать из них настоящих бойцов бывает очень сложно. А мы, по мере сил, стараемся не позволить им это сделать...

Глава вторая

Далеко удаляться от своей позиции мы не стали. Просто поднялись на пригорок, где, стоя в полный рост, и дожидались ликвидаторов из спецназа ФСБ. Меня еще издали удивила их пружинистая походка. Звания должны были бы говорить о возрастных бойцах, тем не менее, когда они приблизились и ведущий шагнул ко мне ближе, я при свете луны хорошо его рассмотрел. Он был ненамного старше меня. Но я давно слышал, что в ФСБ звания даются не так, как у нас в армии. У них, случается, даже генералы служат в спецназе. А в военной разведке даже у командующего только полковничья должность. Но мы служим не за звания, и я не знаю офицера спецназа ГРУ, который променял бы свою нарукавную эмблему с летучей мышью на щит с гербом и мечом на заднем плане, даже за лишние звездочки на погонах. Хотя кое-кого, как я слышал, приглашали для дальнейшего прохождения службы.

– Полковник Сомов, – представился ведущий колонны ликвидаторов. – Вы, как я понимаю, старший лейтенант Урманов?

– Так точно, товарищ полковник. Старший лейтенант Урманов, командир взвода. Со мной заместитель командира взвода старший сержант Соколянский.

Мне понравилось рукопожатие полковника. Кисть у него

крепкая и жесткая. Обычно жесткость кисти говорит о наличии у человека сильного удара, даже если сам он художав и не поражает параметрами. И потому мы в спецназе специально тренируем солдатам кисть еще до постановки самого удара.

– Мне сообщили, что вы встретите нашу группу, – сказал полковник. – Мы вас давно заметили, так же, впрочем, как и вы нас. По наличию индикатора оптической активности догадались, что здесь не бандиты, и не стали стрелять.

– Мне, товарищ полковник, это объяснил начальник штаба сводного отряда спецназа. Мы с ним на связи.

– Да, еще мне сказали, что у вас могут быть данные по банде эмира Шерхана.

– Есть предположения. И есть видеозапись. Если укрупнить, можно даже отдельные лица рассмотреть. Не все, правда, но отдельные можно. Если вы знаете Шерхана в лицо, пожалуйста, мне не жалко.

– Если можно, мы бы посмотрели...

– До рассвета времени много, успеете посмотреть.

– А что на рассвете?

– Вертолет прилетит со следственной и прокурорской бригадами. И попутно к нам пополнение, группа технической поддержки, новое оружие доставят. Как только прилетят, мы сразу выступим на поиск банды. Территорию передадим и выступим.

– Обговорим наши общие дела, старлей, – согласно кив-

нул полковник и добавил: – Правда, лучше бы не на ходу...

– Конечно, у нас полнопрофильный окоп вырыт, места всем хватит. Прошу... – Я сделал жест рукой, и полковник Сомов сразу двинулся вперед. Его группа за ним, мы со старшим сержантом тоже не отстали.

До рассвета оставалось еще часа полтора. Рассвет в горах приходит, как и закат, резко, без обычного для средней полосы утреннего сумрака. Солнце выходит из-за гор, и сразу наступает световой день. Хуже бывает, когда небо грозит тучами, тогда световой день приходится дожидаться. Но в эту ночь небо было чистым, светила луна, и звезды висели привычно низко над землей, как везде в горах.

– Вы, товарищ старший лейтенант? – спросил по связи часовой с левого фланга.

– Мы идем... – отозвался я.

– Как в войсках «Стрелец» работает? – поинтересовался полковник Сомов.

– На открытой местности никаких проблем. Только вот на прошлой неделе, когда одну пещеру обследовали, были помехи. Камни экранируют, наушники «фонят». Но перебоев не было, голос и сквозь фон доходит. А вы с «Ратником» знакомы?

Он спрашивал у меня, как человек знающий, поэтому я и задал этот встречный вопрос.

– Мы «Ратник» одними из первых испытывали.

– Мы тоже, – признался я. – И испытывали одними из пер-

вых, и в эксплуатацию, товарищ полковник, получили одними из первых.

Мы спустились в окоп. Часовой при нашем приближении вытянулся по стойке «смирно». Ликвидаторы спецназа ФСБ, все пятеро – старшие офицеры, коротко козырнули часовому и прошли дальше, вслед за мной. Мое место было в середине второго звена общего взводного окопа, там, где располагалось второе отделение. Там и мой рюкзак лежал в нише, а в нем хранился командирский «планшетник». Вытащив, я загрузил его, сердясь на то, что он загружается намного медленнее моего личного «планшетника», оставшегося дома в распоряжении сына-шестиклассника. Но тот «планшетник» многое и не умел. В него просто вставлялась «sim-карта», и можно было осуществлять сотовую связь. А вот в армейском «планшетнике» была заложена шифровально-дешифровальная программа, этим он и отличался от гражданского. Кроме того, имел и другие полезные функции, такие, как связь со спутником военной разведки, который был в состоянии транслировать на монитор в режиме реального времени то, что видит его камера. Правда, разрешение на такую работу давалось не всегда. При испытании комплекта «Ратник» в боевой обстановке, помню, мне разрешалось хоть круглосуточно поддерживать связь со спутником. В повседневной же службе на это требовалось отдельное разрешение и собственный одноразовый пароль для входа в систему...

– Видеозапись? – спросил Сомов, забирая у меня из рук

мой «планшетник», когда тот загрузился.

– Так точно, товарищ полковник.

– Сначала расскажи, что тут у вас произошло. Как так получилось, что банду выпустили?

Я включил на коммуникаторе блокировку внутренней связи, чтобы не рассказывать опять всему взводу то, что бойцы и без меня хорошо знали, и доложил полковнику то, что уже докладывал майору Колокольцеву.

Выслушав меня, полковник показал, что с «планшетником» общается достаточно хорошо, он легко нашел и включил мою видеозапись. И так же легко укрупнил изображение, останавливая воспроизведение на каждом лице, которое можно было рассмотреть. Четверо его спутников встали за спиной своего командира и тоже просматривали запись. Особого внимания удостоился один из раненых с рукой на перевязи.

– Эмир Шерхан... – констатировал полковник Сомов. – Вот он куда спрятался...

– У него почему-то больше всего бинтов на кисти, – не понял один из двух подполковников, – а ведь я руку ему прострелил в середине предплечья.

– Это не бинты, – обратил я внимание на укрупненное изображение. – Видимо, пуля сломала кость, и на руку наложен «лубок»⁸, сделанный из подручных средств. Простей-

⁸ «Лубок» – способ фиксации переломов в медицине, с использованием негнущихся накладок.

шая шина. С одной стороны дощечка, и с другой тоже. Одну дощечку удалось укоротить по размеру, вторую или не получилось укоротить, или просто времени не было, поэтому приложили целиком, а чтобы не торчала сильно, бинтом перемотали. Был у меня во взводе такой же случай. Солдату пуля руку перебила. Дощечек не было, и палки от кустов отламывали, чтобы «лубок» сделать. Две палки вместе связали, на одну сторону. Следующую отломили, а потом парную к ней. И сразу связали, поторопились. Оказалось, что они длиннее. Но новые ломать времени не было. Привязали, как получилось, и бинтами замотали. Так до госпиталя и носил...

– Эмир Шерхан в госпиталь ложиться не будет... – сказал один из ликвидаторов.

– Стрелять с такой рукой сложно, – заметил я. – Особенно в первые два дня. В руке после очереди «зубная боль» начнется. А если пуля еще и нерв задела, то вообще месяц после каждого выстрела плакать будет.

– Скоро рассвет, – взглянул на часы Сомов. – Вертолет когда вылетает?

– Обычно пилоты рассчитывают так, чтобы в темное время над равниной лететь. А как к горам подлетят, уже светло должно быть. Раньше всегда так было. Но на равнине раньше светает...

– Значит, скоро будут. Какой вертолет? Много людей?

– Мое пополнение – семь человек с объемным грузом

спецтехники. Честно скажу, даже не знаю, что за группа. Сообщили только, что в помощь мне отправили, и все... Они летят вместе со следственной бригадой и ее охраной. Следственная бригада – там и следаки Следственного комитета, и из прокуратуры обязательно несколько человек. Охрана обычно в составе отделения или даже взвода «краповых». Вертолет, думаю, здесь большой нужен. На «Ми-8» все не поместятся. Скорее всего, «Ми-26».

– Да, вероятно, – согласился полковник. – «Ми-26» быстро летает. Нам с ними встречаться здесь вовсе не обязательно. С вами встретились, это уже для нас, скажу честно, плохо. Но мы одну задачу выполняем, так сказать, смежники. А вот с прокурорскими встреча будет лишней. Куда нас спрячешь, старлей?

– Рядом ущелье, туда следственная бригада и двинется, – прикинув варианты, ответил я. – Будут, думаю, даже пещеру осматривать, где Шайтанов зимовал. В ущелье вам нельзя. В окопе остаться – тоже рискованный вариант. Кто-то из них может полюбопытствовать, как бой проходил, откуда огнеметчик стрелял? Они обычно все это измеряют лазером и в протокол вписывают. Считают, чем объемнее протокол, тем больше их заслуга. Заставляют ждать, пока его напишут, чтобы я подписал. Только я в этот раз ждать не собираюсь. Мне в погоню идти следует. Пусть потом протокол на базу привозят, там прочитаю и подпишу...

– Это все понятно. Но нам куда спрятаться? – поторопил

меня полковник Сомов, снова глянув на часы.

– Я вижу только один вариант. Уйти вправо, в ту сторону, куда двинулась банда. Но там велика вероятность малыми силами на бандитов нарваться.

– Теперь это называется «на бандитов нарваться»... – усмехнулся другой полковник, высокий, худощавый, напоминающий своим орлиным профилем хищную птицу. – А раньше, насколько я помню, называлось «найти банду». Найти, чтобы уничтожить...

– Полковник Луценков прав, – согласился Сомов. – Значит, мы выдвигаемся в том же направлении, в котором и раньше шли.

– На мой взгляд, это единственный вариант. Как далеко вы уйдете?

– Думаю, километров на пять-шесть, и там вас дождемся, чтобы дальше двигаться вместе.

– Я недавно встречал отряд охраны следственной бригады Следственного комитета. Так те ребята были с собственным «беспилотником». Пять-шесть километров... Это попадет в поле зрения «беспилотника», если он у них будет, – предупредил полковник Луценков, потирая свой породистый орлиный нос с горбинкой.

– Значит, следует забираться дальше... – решил полковник Сомов.

– Как бы нам не разойтись... – предположил я худший вариант. – Впрочем, в любом случае, мы пойдем по следу бан-

ды, вы, наверное, тоже, значит, мы вас нагоним. Только может получиться, что вы следы банды затопчете, и нам придется по вашим следам идти.

– А мы следов вообще не оставляем, – сурово сказал один из двух подполковников группы ликвидаторов. – Обучены, как лиса хвостом, за собой заметать...

– Следов не оставляют только птицы в небе и спецназ ГРУ на земле, – возразил я. – Все другие обязательно наследят. А мой следопыт проведет нас лучше, чем любая гончая. Он опытный...

– В любом случае, мы уже выходим, – сказал Сомов. – Чтобы до прибытия вертолета на десяток километров отдалиться, время требуется. Спасибо за видео. Теперь у нас есть подтвержденная версия. Ждем вас на десять километров западнее. Следственной бригаде о нашей встрече лучше не знать. Это большая и основательная просьба. Кстати, там, куда мы выдвигаемся, есть что-то такое, что может заинтересовать Великого Шайтана?

– Там есть ущелье с прямым выходом в Грузию. Не десять километров от нас, а больше двадцати пяти. Это на самой административной границе между Дагестаном и Чечней. Я опасаясь, что он за границу собирается сбежать.

– Сейчас в Грузии обстановка не та, чтобы его приняли. Хотя кто знает, какие у него там связи. Связи в нашей жизни решают многое, если не все.

– Обстановка, может быть, и не та... Тем не менее ору-

жие и боеприпасы ему турки поставляют через Грузию. Как раньше поставляли, так и теперь. Если наверху люди сменились, это не значит, что они сменились и внизу.

Полковник Сомов поднялся и поправил на плече прицел снайперской винтовки с тяжелым объемным глушителем. Точно такие же винтовки были еще у троих, и только один из подполковников имел хорошо мне знакомую винтовку «ВСК-94»⁹. Из такой стрелял наш батальонный инструктор снайпинга старший прапорщик Николаев. И все офицеры батальона, как люди, обязанные знать снайперское дело, чтобы при необходимости заменить снайпера, проходили время от времени у него краткосрочный курс и тоже из «ВКС-94» стреляли. Иногда старший прапорщик Николаев выезжал с каким-то взводом в командировку на Северный Кавказ, но, к сожалению, я с ним в одну смену ни разу не попал.

– «Выхлоп»¹⁰? – спросил я полковника, кивнув на винтовку, с которой был знаком только с чужих слов и по специальным журнальным обозрениям.

– Он самый. На сегодняшний день, как я считаю, для любого спецназа самое подходящее оружие. Если уж попал, то попал. Никаких тебе хлопот с раненым противником.

– А эмир Шерхан? – намекнул я, помня, что Шерхан был

⁹ «ВСК-94» – снайперская винтовка, которой в основном пользуются спецслужбы.

¹⁰ «Выхлоп» – бесшумная крупнокалиберная снайперская винтовка.

ранен в результате обстрела как раз группой ликвидаторов.

– Подполковник Храмов стрелял из своей винтовки в грудь, прикрытую бронежилетом, а Шерхан неожиданно руку поднял. Я сам его на прицеле держал, но стрелять не стал, он нам живым нужен. После попадания в руку эмир сразу за камень свалился. Камень большой был, такой даже наша пуля не берет... Я еще трижды по нему стрелял, надеялся, что эмир перебежать захочет. Но он не вылез, перепугался после ранения. Самые жестокие люди всегда самые трусливые. Они свою трусость жестокостью к тем, кто ответ дать не может, компенсируют.

Вслед за командиром группы поднялись и четверо его бойцов.

– Двинули... – нестандартно командовал Сомов и первым выпрыгнул из окопа. Для своего возраста выпрыгнул очень легко, как хорошо тренированный солдат спецназа ГРУ...

Я уже много раз слышал про существование групп ликвидаторов и при ФСБ, и при ГРУ, но лично встретился с ними впервые. И даже в свое время предполагал, что разговоры о ликвидаторах – это очередные бредни всегда готовых обгадить Родину либералов. Но слухи держались долго и упорно. Говорили, что, например, у нас в ГРУ в такие группы набирают офицеров, которые за какие-то гражданские проступки попали под статью Уголовного кодекса. Их «вытаскива-

ют» с «зоны» часто по поддельным документам и отправляют таких людей служить в «сектор Эль». Когда люди живут по поддельным документам, они всегда остаются у Службы «на крючке» и никогда не поступят вопреки приказу, даже если так не велит совесть. Выбора им не дают. Или делай, что приказывают, или отправляйся назад, в «зону», и, возможно, с новыми дополнительными обвинениями, после которых из-за колючей проволоки сможешь выйти, только если снова Службе вдруг понадобится и покаешься в своем предыдущем ослушании. Как формируются группы ликвидаторов в ФСБ, я не слышал, а спрашивать о таком ликвидаторов, что прибыли в расположение взвода, естественно, невозможно. Сам факт, что офицеры группы ФСБ желали избежать встречи со следственной бригадой Следственного комитета, уже предполагал что-то, о чем лучше не говорить вслух. Но меня эти вопросы касались мало, и потому я предпочитал не забивать себе голову догадками и предположениями. Главное было в другом: мы с этими ликвидаторами делали общее дело и старались сделать его хорошо, с чувством собственной ответственности за тех людей, которых мы своими усилиями пытаемся оградить и защитить от бандитов. И вообще я привык воспринимать людей визуальнo – нравится мне лицо человека или не нравится. У ликвидаторов ФСБ были хорошие, честные лица, которым хотелось верить. Может быть, слегка смурные, тем не менее, эти офицеры вызывали симпатию...

Прибежал старший сержант Соколянский, показал пальцем на коммуникатор. Я забыл выключить блокировку, а сигналы вызова при заблокированной внутренней связи доходят только тогда, когда шлем на голове. А я шлем снял, чтобы кофе из термоса попить. Коммуникатор я сразу разблокировал, но шлем надевать не стал, потому что кофе допить не успел, и вопросительно поднял подбородок в сторону своего заместителя.

– Часовой говорит, вертолет приближается...

– Пора бы уже, – согласился я. – Пойдем встречать?

– Рановато вроде, товарищ старший лейтенант. Когда еще винты остановят...

Теперь и я услышал громкий хлопающий звук двух двигателей большегрузного вертолета, общая мощность которых, как говорят, достигает почти двадцати трех тысяч лошадиных сил. Хороший табун в небе летает... Звук приближался и снижался.

– Пойдем, площадку выберем поровнее. Такие тяжелые машины не любят мягкую землю.

– Здесь мягкой земли-то и нет. Все пересохло.

– Тем не менее, если шасси провалится, приятного будет мало. Нам претензии предъявят, караулить обяжут, а у нас на это времени не отпущено.

Мы выбрались из окопа и выдвинулись напрямую к входу в ущелье. Площадку для вертолета я выбрал «на глаз» сразу,

чуть левее от каменных «ворот» и на таком расстоянии от скалистой стены, чтобы винты могли вращаться безопасно. Сплошного монолита в предполагаемом месте посадки поблизости было не найти, но большие камни, глубоко засевшие в почву и присыпанные в промежности землей, создавали достаточно ровную и прочную поверхность. Рассвело уже достаточно. Я стал сигналить руками, и пилоты легко поняли меня. Не в первый раз вертолеты сажаю, жестикуляция отработана.

Вертолет сначала завис над нами, потом начал снижаться, не просто поднимая невероятную пыль, а разгоняя ее в разные стороны от места посадки. Он сел точно в место, которое я показывал пилоту, и почти вплотную к нам. Пришлось даже сделать с десяток шагов в сторону, чтобы он на голову не угодил. Голова у меня, вообще-то, крепкая, но такую тужу она явно не в состоянии выдержать.

Так мы со старшим сержантом оказались под крутящимися винтами. Любую шапку, берет или кепку в этом случае и даже, наверное, привычную спецназу камуфлированную бандану пришлось бы придерживать рукой. Но шлем был пристегнут под подбородком, и его придерживать необходимости не было. Шлем и обтекаемый, и закреплен на голове прочно, и, что важно, достаточно легкий. Когда нам раньше предлагали надевать на голову тяжелые стальные каски, мы их, удалившись от мест, где находились под присмотром командования, попросту пристегивали к поясу за спиной, а го-

лову предпочитали повязывать банданой с фетровой полоской, не дающей поту стекать на глаза. Но про эти времена уже давно благополучно забыли, поскольку шлем «Ратника» не только обеспечивает безопасность, он еще и удобен, и существенно упрощает действия подразделения за счет интегрированной арматуры связи...

Глава третья

Посадка вертолета проблем не вызвала, и мы со старшим сержантом спокойно, только щурясь от ветра, дождались, когда остановятся винты. Открылся выход из вертолета, на землю спустилась трап-лесенка со складными перилами. Насколько я знаю, выход открывает и трап-лесенку опускает бортмеханик, один из шести членов экипажа «Ми-26». Но сам он не вышел, и вообще никто сразу не вышел, и я скоро понял, почему. Механик, видимо, торопливо прошел внутрь, и уже через тридцать секунд в задней стенке раскрылись большие грузовые двери, и стал спускаться тяжелый механический трап, выдерживающий даже танк. Значит, вертолет готовился к разгрузке. Памятуя предупреждение майора Колокольцева, я сразу вызвал по связи командира первого отделения младшего сержанта Варкухина:

– Коля, ты не забыл, что за твоим отделением разгрузка?

– Мы готовы, товарищ старший лейтенант. Ждем только команды.

– Команда дана, бегите к вертолету. Он ждать не будет, вертолетное время больших денег стоит.

Из окопа сразу выскочили десять бойцов и бегом устремились к нам. И только после этого через пассажирский выход по трап-лесенке, не слишком торопливо, я бы даже сказал, важно и вдумчиво, начали спускаться люди в темно-си-

них мундирах – следственная группа Следственного комитета, эксперты в гражданской одежде и сотрудники прокуратуры, тоже в темно-синих мундирах. Какой-то подполковник в старом и тяжелом металлическом солдатском бронежилете, который с трудом обхватывал его объемный живот, осмотревшись, подошел напрямую ко мне.

– Кто здесь командует? – откровенно уважая себя, спросил он.

– Я. Старший лейтенант Урманов, – шагнул я ближе.

– Государственный советник юстиции второго класса Афиногенов, старший следователь республиканской прокуратуры, возглавляю оперативную бригаду, – козырнул подполковник, представляясь. – Доложи, старлей, по форме, что здесь произошло...

Мне было не трудно. Я доложил, хотя и не знал, какую форму подполковник предпочитает выслушать. И потому мой доклад был обычным армейским. Предельно кратким и не содержащим лишних, на мой взгляд, деталей. Если возникнут вопросы, я смогу ответить, будет что-то непонятно, смогу «разжевать».

– Тела убитых где?

– Там же, где и лежали. Куда упали после взрыва. Один по эту сторону «ворот», двое по другую, а один наверху остался. Там ствол пулемета из-за скалы торчит, и бандит должен быть где-то рядом. Мы туда не забирались, не смотрели.

– А что, снять его сами не могли?

– Вам же интересно, как он там лежит, – возразил я на ворчание подполковника вполне равнодушно, подчеркивая этим, что их работа меня не касается. – В крайнем случае, если вы наверх не заберетесь, у вас охрана есть. Там ребята тренированные, помогут, тело для вас мелом обведут и место сфотографируют...

Охрана прибыла вместе со следственной бригадой. В составе, как я увидел, аж целого взвода. Многовато, на мой взгляд. Получалось почти по три охранника на каждого следователя, опера или эксперта. Но это дело не моей, как я догадываюсь, компетенции. Охрана, выставив посты, сразу занялась разгрузкой вертолета. Солдаты охраны помогали моему пополнению вместе с бойцами моего первого отделения. Груза оказалось достаточно много. Просто неожиданно много. Видимо, он не был тяжелым, поскольку большие ящики выносили по двое или даже по одному, если была возможность за что-то ухватиться, тем не менее, груз был объемный, и, похоже, для переноски должен был быть задействован почти весь мой взвод, а не только одно первое отделение.

– Второе отделение, помогите первому, – передал я команду по связи. – Быстро!

Мои бойцы хорошо знают, что команда в армии не повторяется, и потому цепочка, во главе с младшим сержантом Остапенко, стремительно появилась из окопа и устремилась к вертолету.

– Потери в личном составе имеются? – поинтересовался

Афиногенов, хотя этот вопрос никак его не касался. Вообще роль оперативно-следственных групп в подобных случаях должна сводиться к констатации уничтожения бандитов и их последующему опознанию. Я, как командир оперативной группы спецназа, имею полное право отказаться отвечать на его вопросы.

Но я возражать не стал, просто отнесся почти прилично к человеку, который значительно авторитетнее меня и возрастом, и животом, и ответил:

– Никак нет, товарищ подполковник.

Но уже следующий вопрос подполковника заставил меня насторожиться, хотя внешне это никак не проявилось.

– Про эмира Шерхана ничего не известно? – спросил Афиногенов.

– Я за ним не охочусь, товарищ подполковник. У меня приказ на поиск и уничтожение банды Акбар-Шайтана, и все.

– А за Шерханом кто охотится? – Вопрос прозвучал настолько наигранно равнодушно, что я сразу понял – задается он неспроста.

– Не могу знать, товарищ подполковник. Командование меня в свои планы не посвящает.

– Ну, может, слышал что? Появлялся поблизости какой-то отряд или, может, небольшая группа? Мне про пять человек говорили...

– Никак нет, ничего не слышал.

Я поймал взгляд старшего сержанта Сережи Соколянско-го. Моего заместителя, кажется, подмывало вступить в разговор, и возникло опасение, что он нечаянно вспомнит вдруг группу ликвидаторов ФСБ, которая не желала встречаться со следственной бригадой.

– Сережа, проверь, как там разгрузка идет.

Старший сержант все понял, старательно закрыл уже разинутый, было, рот и бегом направился к вертолету. Конечно, его пригляд там был и не нужен, но здесь он был нужен еще меньше.

– Ладно, старлей. Работать будем так! – Афиногенов, кажется, с чего-то вдруг решил, что я со своим взводом автоматически попадаю в состав следственной бригады, то есть под его командование. – Сейчас мы все осмотрим, потом запишем твои показания, составим протокол, подпишешь, потом допросим твоего огнемечика, который стрелял из «Шмеля», и можешь быть свободен до следующего нашего вызова. Мы сообщим, когда понадобишься... Вызовем...

Это мне категорически не понравилось. Должно быть, подполковник Афиногенов посчитал, что уже «задавил» меня своим авторитетом, как мог бы задавить животом, и я не посмею возразить. Однако я посмел. Причем возразил очень жестким голосом, при первых нотках которого подполковник Афиногенов даже икнул.

– Я уже свободен, товарищ подполковник. И в дополнительной свободе не нуждаюсь. Свободен и в своих замыслах,

и в своих поступках, поскольку вы не имеете полномочий командовать моим взводом. И потому заявляю категорично, что все показания вы будете снимать, когда мой взвод вернется с задания. Вам об этом сообщат, будьте уверены. И вы сможете посетить нас на нашей базе. Не вызывать к себе, а приехать к нам, если меня на месте застанете. Поэтому рекомендую вам сначала созвониться с нашим начальником штаба, он вам время для посещения назначит. Я тоже постараюсь найти время, чтобы с вами встретиться, и огнеметчика с собой приведу. А сейчас, сразу после окончания разгрузки, я во главе своего взвода отправляюсь преследовать ушедшую банду, пока еще можно найти свежие следы. Такой приказ я получил от своего командования. И вас я дождался только потому, что вместе с вами прибыло мое пополнение с грузом. Иначе я уже ушел бы в преследование, оставив вам только координаты места уничтожения боевиков. У меня все, товарищ подполковник. Разрешите идти?

– Иди, – сердито буркнул на прощание Афиногенов. – Свободный человек...

Отдав подполковнику честь, я направился к вертолету. При моем приближении от пополнения отделился лейтенант в неуклюже сидящей на нем полевой воинской форме, кажется, конца прошлого века, но доложил достаточно внятно, почти как опытный служака:

– Товарищ старший лейтенант! Группа технической поддержки в составе семи человек прибыла в ваше распоряже-

ние. Командир группы лейтенант Хачатуров.

– Юрий Викторович меня зовут, – протянул я руку. – А тебя?

– Валерий Вазгенович. Отчество обычно сложно запоминается, поэтому можно звать просто Валерой.

– Договорились. Только можешь меня расстрелять, если я знаю, зачем мне твоя группа нужна, что вы вообще делаете и на что способны. Не понимаю я...

Несмотря на мою, мягко говоря, недобрую отповедь, лейтенант Хачатуров ответил спокойно, без всякого вызова:

– Первое, и самое главное – мы привезли с собой четыре «беспилотника». Два вертолетного типа – разведывательные, два – самолетного, несущие боезаряд – ракетноносцы, по две ракеты под крыльями каждого.

– Для самолетных разве не нужна взлетно-посадочная полоса? – спросил я, неназойливо показывая, что уже имел дело с «беспилотниками».

– Посадку они в состоянии производить на грунт, желательно без встречных больших камней, а запуск производится с катапульты. Катапульту мы доставили. Это самый тяжелый из наших грузов, но она сборно-разборная и легко транспортируется на руках. А самолеты – самые, грубо говоря, «вертлявые» из современных «беспилотников». Специально конструировались для полетов в горах, где без маневренности не обойтись. У них, как у современных «взрослых» самолетов, изменяемое направление тяги двигателей и

изменяемая стреловидность крыла.

– Надеюсь, еще при моей жизни мой взвод будет заменен на роботов... – заметил я вполне серьезно. – Только я тогда уже не взводом должен буду командовать или вообще в отставке буду. Как считаешь, Валера, возможен такой вариант, когда роботы сменяют обычных солдат? И моих, и твоих подчиненных тоже?

– Что касается моих, то едва ли. – Лейтенант Хачатуров не понял, всерьез я говорю или пошутил. – Если моих от службы освободят, кто будет роботов для армии создавать? А вот взвод спецназа заменить, я думаю, возможно, хотя и... не так скоро...

Валера тщательно подбирал слова, избегая личного обращения, потому что не понял еще, как ко мне обращаться – на «ты» или на «вы». С одной стороны, я с ним на «ты» разговариваю, но в данном случае я его прямой командир. А Хачатуров, видимо, не знает, что к командиру роты, например, командиры взводов спецназа ГРУ тоже обращаются на «ты», хотя ему непосредственно и подчиняются. Здесь разница, видимо, в том, старший офицер перед тобой или младший¹¹

¹¹ Младшие офицеры – от младшего лейтенанта до капитана включительно, старшие – от майора и выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.